

Ссылка для цитирования этой статьи:

Пестов Р.А., Наумов С.И., Халитов О.Ф. Некоторые аспекты квалификации противоправных деяний о применении и насилия в отношении представителя власти // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 5. С. 29. URL: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_5/Pestov.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-5a-29.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

Пестов Роман Аркадьевич

доцент кафедры административного права,
Ростовский юридический институт МВД России,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Наумов Сергей Иванович

старший преподаватель кафедры психологии и педагогики,
Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Халитов Олег Фирузович

старший преподаватель кафедры педагогики и психологии в
деятельности сотрудников ОВД,
Уфимский юридический институт МВД России,
г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты квалификации преступлений, связанных с применением насилия в отношении представителей власти, а также проблемы, возникающие при определении преступных деяний с учётом разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 года № 14. Особое внимание уделяется анализу состава преступлений по статье 318 УК РФ, дифференциации наказаний в зависимости от тяжести преступления, а также вопросам расширения понятия «представитель власти». Предлагаются пути совершенствования законодательства для более эффективной защиты сотрудников ОВД и других представителей власти от насилия.

Ключевые слова: защита представителей власти, применение насилия, уголовно-правовая защита, угроза насилия, общественная безопасность.

Сотрудники органов внутренних дел (далее ОВД), из числа всех органов власти, играют основную роль в профилактике противоправных деяний, в обеспечении общественной

безопасности и поддержании правопорядка. При выполнении своих задач сотрудники ОВД всегда находятся на виду и среди населения. При работе с людьми складываются разные отношения между ними, в последнее время особо вызывает тревогу тот факт, что со стороны населения чаще высказываются недовольства деятельностью ОВД и проявляются особо негативные отношения, порой переходящие в неподчинение или даже в применение насилия в отношении последних. В этой связи тема обеспечения защиты сотрудников ОВД от противоправного посягательства на них является актуальной проблемой государственного масштаба. В целях защиты интересов сотрудников ОВД государством делается много, но не достаточно.

Одним из ключевых механизмов обеспечения безопасности представителей государственной власти, включая сотрудников органов внутренних дел, выступает их уголовно-правовая защита. В целях реализации этой функции в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) предусмотрена специальная глава 32, охватывающая преступления против порядка управления [1].

Данная глава содержит нормы, направленные на уголовно-правовое пресечение деяний, подрывающих установленный государственный порядок, в том числе действий, препятствующих осуществлению полномочий сотрудниками правоохранительных органов и других должностных лиц. Особую значимость среди них имеют составы преступлений, предусматривающие ответственность за наиболее распространённые и социально опасные формы противоправного воздействия: посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (статья 317 УК РФ), применение насилия в отношении представителя власти (статья 318 УК РФ), а также публичное оскорбление должностного лица при исполнении им своих обязанностей (статья 319 УК РФ).

Эти преступления объединяет их направленность против легитимной государственной власти и ее представителей, что делает их посягательствами не только на конкретных лиц, но и на институт государственной службы в целом. Указанные деяния дестабилизируют работу органов управления, подрывают общественное доверие к власти, провоцируют рост правового нигилизма. Именно поэтому законодатель предусматривает строгие меры уголовной ответственности, направленные на защиту авторитета государства и бесперебойное функционирование его институтов [1].

В своей статье проведем анализ некоторых аспектов применения насилия в отношении представителя власти, ответственность за которое предусмотрена статьей 318 УК РФ.

В соответствии с анализируемой правовой нормой, в первой части статьи 318 УК РФ уголовно наказуемыми признаются действия, выражающиеся в применении насилия, не

представляющего опасности для жизни или здоровья, а также угрозы его применения в отношении представителя власти или его близких, если такие действия совершены в связи с выполнением служебных обязанностей указанными лицами. В свою очередь, вторая часть данной статьи устанавливает более строгую уголовную ответственность за аналогичные деяния, если они сопровождаются применением насилия, уже представляющего опасность для жизни или здоровья потерпевшего. Таким образом, квалификация преступления зависит от степени общественной опасности применённого насилия и от его последствий, что отражено в структуре статьи в виде дифференциации составов по степени тяжести.

Общественная опасность преступления, предусмотренного статьёй 318 УК РФ, заключается в нарушении физической и психологической неприкосновенности лиц, исполняющих функции представителей государственной власти или органов местного самоуправления, а также их близких. Посягательство на таких лиц носит не только личный характер, но и подрывает авторитет государственной власти, дестабилизирует работу государственных институтов, формирует в обществе атмосферу правового нигилизма и неуверенности в защищённости государственных служащих.

Потерпевшими по данной категории дел признаются как сами должностные лица, выполняющие публичные функции от имени государства, так и их близкие, в отношении которых совершаются противоправные действия, связанные с профессиональной деятельностью представителя власти.

Примечание к статье 318 УК РФ содержит правовое определение круга лиц, признаваемых представителями власти в целях применения данной нормы. Согласно существующему подходу, таковыми считаются должностные лица, работающие в системе правоохранительных и контролирующих органов, а также иные должностные лица, обладающие распорядительными полномочиями, реализуемыми в отношении граждан, не находящихся с ними в служебной зависимости. Однако современная практика взаимодействия внутри органов государственной власти и управления демонстрирует, что ограничение понятия «представитель власти» только такими рамками является неоправданно узким. В частности, насильственные действия нередко совершаются и в рамках вертикали подчинения, то есть подчинёнными по отношению к руководителям, осуществляющим властные функции. В связи с этим представляется целесообразным пересмотреть и расширить действующее определение представителя власти, чтобы обеспечить более полную и адекватную правовую защиту должностных лиц, исполняющих публичные функции.

Судебно-следственная практика демонстрирует, что насильственные действия в отношении представителей власти могут исходить не только от посторонних граждан, не

имеющих служебной связи с потерпевшим, но и от лиц, находящихся с ним в служебной иерархии, в том числе от подчинённых. Такие противоправные акты нередко напрямую связаны с реализацией руководителем своих должностных полномочий, например, в ситуациях принятия непопулярных решений, осуществления дисциплинарного контроля или пресечения нарушений. Подобные случаи указывают на то, что угроза нормальному функционированию государственной власти и её институтов может исходить как извне, так и изнутри служебной системы. Следовательно, необходимость учитывать данный аспект при квалификации и профилактике подобных преступлений обусловлена не только защитой личной неприкосновенности представителей власти, но и обеспечением устойчивости и эффективности государственной управленческой деятельности. В связи с этим целесообразно исключить из примечания формулировку «в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости», что позволит расширить сферу действия нормы и обеспечить более полную уголовно-правовую защиту представителей власти, независимо от характера их служебных взаимоотношений с потенциальным агрессором.

Согласно положениям, изложенным в примечании к статье, для квалификации преступления по данной норме необходимо, чтобы потерпевший обладал рядом определяющих признаков. К числу таких признаков относятся:

- наличие у лица должностных полномочий, закреплённых в нормативных правовых актах;
- обладание распорядительной властью, реализуемой в отношении граждан, не находящихся в служебной зависимости от данного должностного лица;
- принадлежность к органам, выполняющим правоохранительные функции (включая МВД России, ФСБ, таможенные органы, Службу внешней разведки и др.), к контролирующим структурам (например, органы рыбоохраны, санитарного или экологического надзора), либо к иным государственным и муниципальным органам, уполномоченным на осуществление властных полномочий;
- предоставление лицу права выносить решения, обязательные для исполнения гражданами и организациями вне зависимости от их формы собственности или ведомственной подчинённости;
- наличие близких личных отношений с представителем власти, если эти отношения послужили мотивом для совершения в отношении такого лица неправомерных действий.

Таким образом, в каждом конкретном случае важна комплексная правовая оценка статуса потерпевшего, основанная на его официальных полномочиях, фактических функциях и мотивации, обусловившей посягательство.

В составе анализируемого преступления основным объектом уголовно-правовой охраны выступает нормальное и беспрепятственное функционирование государственных органов и органов местного самоуправления на всех уровнях. В качестве дополнительного объекта защиты законодатель выделяет здоровье конкретных физических лиц — представителей власти и их близких, пострадавших от противоправных деяний. Особая общественная опасность преступления, описанного в статье 318 Уголовного кодекса Российской Федерации, заключается в том, что насильственные действия в отношении должностных лиц, осуществляющих властные полномочия, либо их родственников, подрывают авторитет власти, дестабилизируют служебную деятельность и создают обстановку психологического давления. Такое вмешательство порождает у представителей власти чувство уязвимости, снижает уверенность в собственной защищённости, а также в возможности спокойно исполнять возложенные на них обязанности, не опасаясь за жизнь и здоровье своих близких.

Деяния, составляющие объективную сторону рассматриваемого преступления, выражаются в активных действиях, направленных на оказание воздействия на представителя власти, в том числе посредством совершения противоправных действий в отношении их близких, а также из мести за принятые решения и совершенные действия представителем власти. Здесь необходимо отметить, что деяние будет квалифицировано по статье 318 УК РФ только при наличии причинно-следственной связи между применением насилия и отправлением потерпевшим функции представителя власти. При отсутствии такой связи и совершении деяния по иным причинам (бытовые, неприязнь, ссора и др.), несвязанным с выполнением функций представителя власти, преступление подлежит квалификации по иным нормам УК России, защищающим интересы личности.

Так, высшей судебной инстанцией даны разъяснения относительно действий представителей власти, послуживших поводом для действий виновного лица, а именно, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2023 года № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации», указывается, что «если посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, а равно их близких, применение насилия либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких были совершены в ответ на явно незаконные действия со стороны указанных сотрудников, военнослужащих или представителей власти, содеянное при наличии к тому оснований может быть квалифицировано как преступление против личности» [2].

Преступление, предусмотренное статьёй 318 УК РФ, может быть совершено исключительно при наличии прямого умысла, что означает сознательное и целенаправленное поведение виновного, осознающего противоправность своих действий и желающего их совершения. Субъективная сторона рассматриваемого преступления неразрывно связана с наличием специфической мотивации, коренящейся в служебной деятельности потерпевшего как представителя власти. Это означает, что виновное лицо осознанно совершает насильственные действия, понимая должностной статус потерпевшего и связывая свои действия с выполнением тем профессиональных обязанностей. Мотив может заключаться в стремлении оказать давление на должностное лицо с целью прекращения, корректировки или направления его деятельности в нужное виновному лицу русло, либо в попытке помешать осуществлению им определённых служебных полномочий. Кроме того, причиной может выступать месть за уже принятые должностные решения или действия, вызвавшие недовольство со стороны преступника. Кроме того, мотивом может быть месть за уже совершённые действия должностного лица или антипатия, основанная на его профессиональной принадлежности к органам власти.

Анализ санкций статьи 318 УК РФ показал, что первая часть относится к категории средней тяжести, а вторая часть - к категории тяжких преступлений. Для усиления профилактического воздействия предлагаем ужесточить наказание, сделав первую часть тяжким, а вторую часть особо тяжким. В таком случае представители власти, в том числе сотрудники ОВД, будут чувствовать себя более защищёнными, а сдерживающее (профилактическое) воздействие будет более эффективным.

В ситуациях, когда применение насилия в отношении представителя власти или его близких обусловлено исполнением этим лицом своих обязанностей, непосредственно связанных с осуществлением правосудия — будь то отправление судебной власти, участие в рассмотрении уголовных, гражданских или административных дел, — содеянное должно квалифицироваться не по статье 318 УК РФ, а по специальным составам, предусмотренным статьями 296 или 297 УК РФ. Это связано с тем, что в подобных случаях изменяется объект уголовно-правовой охраны: противоправные действия направлены не только на личность потерпевшего, но и на нормальное, бесперебойное и независимое функционирование судебной системы как важнейшего элемента механизма государственной власти. Следовательно, законодатель делает акцент не столько на защите должностного лица как такового, сколько на обеспечении авторитета, стабильности и неприкосновенности правосудия, как основы правового государства. Такая правовая квалификация отражает

приоритеты государственной политики в сфере охраны публичных интересов и верховенства закона.

Преступление, предусмотренное частью первой статьи, относится к числу формальных составов. Это означает, что оно считается оконченным с того момента, как было совершено соответствующее деяние, то есть либо выражена угроза применения насилия, либо осуществлено само насильственное действие — вне зависимости от наступления каких-либо последствий. Важным моментом является то, что общественно опасные последствия в конструкции состава преступления по части первой не предусмотрены и на квалификацию влияния не оказывают.

В отличие от этого, состав преступления, предусмотренный частью второй, является материальным, что предполагает обязательное наступление определённых последствий — в данном случае причинение вреда здоровью потерпевшего.

Под насилием, опасным для жизни или здоровья, в этом контексте следует понимать такие действия, которые повлекли за собой причинение вреда здоровью любой степени тяжести — лёгкой, средней тяжести или тяжкой. Именно наличие таких последствий определяет квалификацию деяния по части второй.

С субъективной стороны деяния, описываемые диспозицией статьи, совершаются только с прямым умыслом.

В контексте применения статьи 318 УК РФ термин «близкий человек» интерпретируется более широко, чем в других нормах уголовного законодательства, где аналогичные понятия ограничиваются исключительно формальными родственными связями. В соответствии с правовой позицией, изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, к категории близких лиц относятся не только прямые и боковые родственники (родители, супруги, дети, усыновители и усыновлённые, родные братья и сестры, бабушки, дедушки, внуки), а также лица, находящиеся в свойстве — то есть родственники супруга, — но и иные граждане, с которыми у представителя власти установились тесные, лично значимые и эмоционально близкие отношения. Таким образом, определение понятия «близкий человек» в рамках этой статьи выходит за пределы формальных семейных связей и учитывает реальную социальную и эмоциональную близость между людьми. К таким лицам могут относиться, например, друзья, партнеры или иные значимые люди, чья жизнь, здоровье и благополучие имеют для представителя власти особую ценность. Таким образом, охрана распространяется на более широкий круг лиц, исходя из реальных межличностных связей, а не только формально-родственных [2].

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в редакции федерального закона от 08 августа 2024 года № 226-ФЗ). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.04.2025). – Текст: электронный.
2. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» Постановление и Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 от 01 июня 2023 года URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/32506/> (дата обращения: 25.04.2025). – Текст: электронный.

SOME ASPECTS OF THE QUALIFICATION OF UNLAWFUL ACTS INVOLVING THE USE OF VIOLENCE AGAINST A GOVERNMENT OFFICIAL

Pestov Roman Arkadyevich

Associate Professor of the Department of Administrative Law,
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Naumov Sergey Ivanovich

Senior Lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Khalitov Oleg Firuzovich

Senior Lecturer of the Department of Pedagogy and Psychology in the Activities of Internal
Affairs Officers,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation

Annotation. The article examines the criminal law aspects of the qualification of crimes related to the use of violence against government officials, as well as the problems that arise in determining criminal acts, taking into account the clarifications of Resolution No. 14 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 1, 2023. Special attention is paid to the analysis of the composition of crimes under Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation, the differentiation of punishments depending on the severity of the crime, as well as the expansion of the concept of "representative of authority." Ways are proposed to improve legislation to better protect police officers and other government officials from violence.

Keywords: protection of government officials, use of violence, criminal law protection, threat of violence, public safety.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended by Federal Law of August 8, 2024 No. 226-FZ). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: April 25, 2025). – Text: electronic.
2. "On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Crimes Provided for in Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation" Resolution of the Plenum of

the Supreme Court of the Russian Federation No. 14 of June 1, 2023 URL:
<https://www.vsrp.ru/documents/own/32506/> (accessed: April 25, 2025). – Text: electronic.